

Н. В. Менькова

Диминутивная форма как способ обозначения пола лица

В статье рассматривается способность диминутивных форм передавать информацию о поле лица. Отмечается, что у личных и предметных имен эта способность проявляется по-разному. У личных имен пол обозначается грамматическим родом, поэтому их диминутивные производные, сохраняющие род исходного имени, напрямую не связаны с обозначением пола лица. Связь личных имен с гендерной проблематикой проявляется в самой способности иметь диминутивную форму: женские имена образуют диминутивные формы практически без ограничений, в отличие от мужских, которые делают это нерегулярно. Нерасположенность мужских личных имен к образованию диминутивных форм связана с размерно-оценочным значением суффикса и обусловлена биологическими различиями между мужчинами и женщинами. Предметные имена, несмотря на отсутствие в их лексическом значении семы «пол», также способны обозначать пол лица – тоже через свое размерное значение, с маркированным значением женскости, но на ограниченном круге лексики. Отмечается, что такая способность имеется у тех предметных имен, которые ассоциированы с концептом «тело человека», – это наименования частей тела человека (соматизмы) и наименования предметов одежды. В заключение указывается, что сема женскости появляется у диминутивных форм в повествовательном (нарративном) режиме речи.

Ключевые слова: диминутив, гендер, женский пол, размер, возраст, режим речи, соматизм.

N. V. Menkova

A Diminutive Form as a Way to Denote the Person's Gender

The article concerns the ability of diminutive derivatives to mark the gender of the person. It is noted that this ability is manifested by personal and object names in different ways. Personal names designate gender grammatically and their diminutive derivatives preserving the grammatical gender of the stem are not directly related to the designation of the gender. This relation of proper names with gender problematics is revealed in its ability to have a diminutive form: female proper names form diminutive derivatives with no restrictions, whereas male proper names do this irregularly. The irregularity in forming diminutive forms is connected with the dimensional meaning of their suffixes and is due to biological differences between men and women. Object names, despite the absence of the gender component in their lexical meaning, can also designate the gender of the person – also through its dimensional value, with a marked value of femininity but on a limited range of vocabulary. It is noted that this ability belong to subject names which are associated with the concept “a human body” – names of the parts of the human body (somatizms) and names of the items of clothing. In conclusion it is noted that the seme of female is presented in diminutive forms in narrative regime of speech dialogues.

Keywords: diminutive, a gender, a female gender, size, age, regime of speech, somatism.

Разделенность человеческой популяции на два биологических пола имеет многообразные проявления. Кардинальные различия между полами проявляются в физиологии, психологии, социальном поведении и культурных установках мужчин и женщин, в том числе их коммуникативно-речевом поведении. Осознание этих различий подвигло представителей разных гуманитарных наук, в том числе и лингвистики, заниматься «проблемой пола».

Говоря о связи языка с биологическим полом человека, необходимо разграничивать два аспекта анализа: следует различать, с одной стороны, гендер субъекта (адресата) речи, а с другой – пол объекта номинации. На необходимость такого разграничения указывалось еще в работе [1, с. 94, 101], авторы которой сетовали на недоста-

точную последовательность гендерных исследований в данном вопросе. Применительно к диминутивам, о которых пойдет речь в предлагаемой статье, первый аспект анализа был рассмотрен в работе [4]. Обратимся теперь ко второму из названных аспектов и будем рассматривать дескриптивные возможности диминутивных форм в обозначении пола лица – или, по-иному, возможности передачи семы «пол» в лексическом значении диминутивной формы.

Информацию о поле лица передают в языке в первую очередь личные существительные, у которых сема «пол» инкорпорирована в лексическое значение слова и обычно проецируется на грамматический род (см. [5, с. 177–244]). Многие из них, хотя и не все, образуют родовые пары типа *мама – papa*, *англичанин – англичанка*, *па-*

циент – пациентка и т. п. (о семантических отношениях внутри пар см. [2]). Суффиксы диминутивных производных от этих имен, сохраняя родовую характеристику исходного имени, сами по себе не участвуют в передаче значения «пол»; ср., например, пару *мамочка* – *папочка* 1-го женского склонения, где общий для ее членов суффикс *-очк-* не меняет род исходного существительного; суффиксы *-ик*, *-ок-*, *-ец*, *-ишк-*, прикрепленные ко 2-му мужскому склонению, видимо, также лишь согласуют грамматический род семой «пол» исходного имени (*старичок*, *братик*).

И тем не менее, диминутивные формы от личных имен имеют отношение к гендерной (в расширенном понимании термина) проблематике, правда, проявляют его по-особому – отрицательным показателем. Обращает на себя внимание тот факт, что личные существительные мужского рода, в отличие от существительных женского рода, либо не образуют диминутивных форм, либо делают это нерегулярно. Эта особенность обнаруживается у разных семантических групп личных имен.

Так, у личных существительных, называющих лиц по национальности, женские корреляты родовой пары присоединяют уменьшительно-ласкательные суффиксы практически без ограничений (*англичаночка*, *шведочка*, *румыночка*, *китайночка* и т. д.), а мужские делают это избирательно, и для большинства мужских этнонимов диминутивных форм в русском языке нет; ср.: с одной стороны, имеются формы *французик*, *еврейчик*, *полячок*, но диминутивных производных нет у *англичанин* –...?, *швед* –...?, *испанец* –...?, *китаец* –...?, *румын* –...? и т. д. Точнее говоря, формы типа *англичанчик*, *шведик*, *китайчик* и под. возможны в современном языке только в качестве потенциальных слов, не узаконенных пока что языковой системой в силу своей нерегулярности.

Еще более жестко в отношении диминутивных форм ведут себя имена профессий. Несмотря на то, что в XX в. женщины освоили многие профессии, ранее считавшиеся сугубо мужскими, борьба за равноправие полов в профессиональной сфере не получила, тем не менее, отражения в языке в полной мере: до сих пор при обозначении женщин по профессии используются имена мужского рода, которые не имеют стилистически нейтрального женского коррелята; ср.: *врач* →...?, *секретарь* →...?, *водитель* →...?, *кондуктор* →...? И связано это, видимо, не только с историческим наследием в языке, но и с общим

направлением развития социума в эпоху глобализации: у участников современной ролевой коммуникации часто не возникает потребности указывать пол лица, если речь идет о профессии человека: для покупателя, приобретающего товар в супермаркете, оказывается несущественным, продавец какого пола раскладывает товар по полкам, так же как для пассажиров несущественным является пол водителя троллейбуса и т. п.

Нерелевантность пола при назывании лиц по профессии (естественно, при релевантности гендерных различий между коммуникантами) проявляет себя в лексической сочетаемости имен профессий, которая, в свою очередь, определяется семантической спецификой этих имен. Как показано в работе [3], имена профессий обладают сдвоенной семантикой, такой, что признаки денотата оказываются не отражены в сигнификате имени: *юрист* = 1) *человек* (денотат), 2) *занимающийся юриспруденцией* (сигнификат). Особенность сочетаемости имен профессий состоит в том, что они легко присоединяют к себе распространители, которые своей семантикой ориентированы на сигнификат имени – «профессиональную» составляющую его значения (*хороший юрист*, *компетентный врач*, *опытный водитель*), и очень неохотно сочетаются с распространителями, которые ориентированы на его денотат – «человеческую» составляющую значения (**высокий юрист*, **лысый врач*, **загорелый водитель*). В речи «профессиональная» и «человеческая» составляющие значения имени обычно разводятся по разным предложениям (ср.: *Видишь вон того высокого человека? Это наш юрист*). Во всяком случае, для того чтобы сочетания типа *высокий юрист* воспринимались как правильные, им требуются особые контекстные условия, за которыми будет стоять нестандартная внеязыковая ситуация.

Таким образом, мужской род имен профессий не препятствует нахождению референта, в том числе и женского пола, так что имеющихся в языке лексических ресурсов оказывается достаточно для успешного ведения коммуникации; ср. реплики: *Спросите у продавца; Поставьте печать у секретаря; Пусть ваш участковый врач выпишет вам направление* и т. п. Номинативные затруднения возникают обычно за пределами коммуникации в профессиональной сфере и устраняются носителями языка несколькими способами: в книжной речи для этого используются аналитические лексические единицы типа *женщина-хирург*, *женщина-шофер* и под.; в просто-

речии – либо используются суффиксальные производные со стилистически окрашенным суффиксом типа *врачиха, секретарша* и под., которые часто получают отрицательные оценочные коннотации, либо путем семантического согласования на синтаксическом уровне (*Врач пришла*).

Но даже если мужское имя развивает стилистически нейтральный женский коррелят, последний часто остается в сфере влияния мужской лексики и диминутивных форм не образует, даже при отсутствии для этого морфонологических препятствий. Например, именные суффиксы *-иц/-ниц-* в рамках словообразовательной модели с предметным значением вполне допускают присоединение уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* (*пуговица* → *пуговичка*, *лестница* → *лестничка*, *ножницы* → *ножнички*); в рамках же модели с личным значением имеются лишь единичные случаи образования диминутивной формы; такова, например, пара *певича* → *певичка*, в которой, что показательно, форма с диминутивным суффиксом имеет устойчивую отрицательную окраску. У большинства же женских имен профессий с этими суффиксами диминутивных форм нет; ср.: *учитель* → *учительница* → **учительничка*, *ученик* → *ученица* → **ученичка*, *продавец* → *продащица* → **продащичка* и т. д.

Отсутствие диминутивных форм у мужских личных имен отчасти проявляет себя и у терминов родства, которые образуют особым образом упорядоченную лексическую подсистему. Так, в паре статусных наименований *отец-мать* только последнее имеет форму с диминутивным суффиксом *матушка* (несмотря на то, что на сегодняшний день эта форма, устарев, значительно сузила сферу своего функционирования, показателем является сам факт ее наличия); статусное же наименование *отец* диминутивной формы, даже в качестве потенциального слова, не имеет.

Нерасположенность мужских имен к образованию диминутивных форм вполне объяснима и связана с семантикой диминутивного суффикса – его размерно-оценочным значением. Связь значения малой размерности с полом лица обусловлена биологическими различиями между мужчинами и женщинами: физически мужчины крупнее женщин – у них больше рост, вес, размер внутренних органов и частей тела. Стереотипные представления о мужчинах как людях с большим, по сравнению с женщинами, телом не по-

рождают потребности образовывать диминутивные формы от мужских имен. Такая потребность может возникнуть только в случае, если у референта имеются отклонения от антропометрической нормы.

Так, среди мужских имен профессий, несмотря на их общую нерасположенность к образованию диминутивных форм, имеется, тем не менее, ряд лексем, способных образовывать диминутивные формы: *солдатик, лейтенантик, офицерик/чик, адъютантик* и некоторые др. При этом обращает на себя внимание тематическая однородность данного лексического ряда, называющего лиц военной профессии. Диминутивные формы от этих имен образуются на фоне наших стереотипных представлений о том, каковы в идеале должны быть антропометрические характеристики людей военной профессии – что называется, *косая сажень в плечах*. Как следствие, размерная сема, передаваемая уменьшительно-ласкательным суффиксом, привносит в их лексическое значение указание на молодой возраст референта, когда малый размер тела является показателем того, что референт еще не достиг физической зрелости: формы *солдатик, лейтенантик* уместно употребить по отношению к молодому человеку отнюдь не атлетического телосложения. Способность лексем данного тематического ряда образовывать уменьшительно-ласкательные формы отражает особенности русского менталитета – со времен рекрутских наборов на двадцатипятилетний срок, практикуемых в России в XVIII–XIX вв., в народном сознании укрепилось сочувственное отношение к молодому солдату. К указанному тематическому ряду примыкают и имена других профессий, которые ассоциируются с молодым возрастом: *студентик, ученичок; официанतिक; артистик*.

Возрастная сема появляется и у диминутивных форм от женских имен-этнонимов типа *итальяночка, армяночка* и т. д.: уменьшительно-ласкательный суффикс также привносит в их лексическое значение указание на молодой возраст лица, что отражает наши реальные представления о том, как связаны между собой признаки размера тела и возраста человека – как известно, стройность и изящество свойственны молодости.

Маркированность диминутивной формы женским полом отчасти проявляется и у наименований животных. Как известно, у имен животных симметрия между семантическим полом и грамматическим родом представлена в меньшей сте-

пени, чем у имен лиц. Наименования домашних животных, например, относясь к грамматическому женскому роду (*корова, коза, лошадь*), представляют таксономический класс безотносительно к полу животного, и активизация семы «пол» в лексическом значении этих имен зависит от типа их референциальной соотнесенности в высказывании. Так, имя *корова*, помимо нереперентного употребления при обозначении таксономического класса (*Корова – млекопитающее*), недифференцированно представляет пол и при неопределенно-реперентном употреблении имени (обычно во множественном числе – *На лугу паслись коровы*); и лишь в случае конкретной референции имя обозначает особь женского пола (*Корова отелилась*). В отличие от исходного имени, производный диминутив *коровушка* в первую очередь обозначает особь женского пола и имеет преимущественно конкретно-реперентное употребление (чаще в форме единственного числа), практически не допуская нереперентного употребления и редко употребляясь с неопределенной референцией (о типах референциальной соотнесенности имени см. [6]). Для недифференцированных в отношении пола обозначений в языке имеется диминутивная форма с другим суффиксом – *коровка*, употребляемая преимущественно в форме множественного числа; ср.: *А еще Вадя по просьбе доктора нарисовал на стене столовой картину...: луг изумрудный, излуцина реки, пастушок с дудкой..., коровки вокруг разбредаются* (А. Иличевский. Матисс).

Способность диминутивных форм передавать информацию о поле лица с наибольшей очевидностью проявляется, однако, не у имен живых существ, а у имен предметов. Несмотря на то, что в лексическом значении предметных имен сема «пол» отсутствует, их диминутивные производные способны обозначать пол лица опосредованно – также через свое размерное значение, на ограниченном круге лексики и с маркированным значением женскости. Вполне очевидно, что такой способностью обладает та предметная лексика, которая ассоциирована с концептом *тело человека*. Имеются в виду две тематические группы слов: наименования частей тела человека (соматизмы) и наименования предметов одежды.

Как уже было сказано, связь значения малой размерности с полом лица обусловлена антропометрическими различиями между мужчинами и женщинами. Поэтому указание на малый размер той или иной части тела, передаваемое димину-

тивной формой, понимается как указание на принадлежность женщине. Ср., например, употребление соматизма *рука* в рассказе И. Бунина «Визитные карточки»: по отношению к мужскому персонажу используется недиминутивная форма соматизма (*Он задержал ее руку в своей большой руке*), а по отношению к женскому – соматизм-диминутив (*Она махнула ручкой; Он сжал зубы и крепко взял ее ручку; Он поцеловал ее холодную ручку*).

Сема женскости регулярно появляется у диминутивов-соматизмов *ручки, ножки, головка, личико, носик, щечки, губки, шейка, плечики* и др. Перечисленные диминутивы в силу размерного значения приложимы, однако, в первую очередь к референтам-детям, так что при обозначении частей тела женщин (как и у диминутивных форм женских этнонимов) размерная сема порождает возрастную: номинации *головка, личико, носик* и т. п. уместно употребить по отношению к девушкам и молодым женщинам, но не женщинам среднего, старшего и пожилого возраста.

Наличие семы женскости у диминутивных форм соматизмов отражает мужской взгляд на объект номинации. Это проявляется, в частности, в том, что диминутивы-соматизмы могут сопровождаться оценочными определителями со значением положительной эстетической оценки, осуществляемой по шкале «красиво/некрасиво»: *хорошенькое личико, миленький носик, очаровательные глазки* и т. п. Эстетическая оценка внешности человека (женщины) имеет, как известно, биологическую подоплеку – определяется биологической целесообразностью, а именно степенью сексуальной привлекательности лица, при этом выстраивается следующая цепочка зависимостей: *имеющая тело малого размера → молодая → способная к деторождению → сексуально привлекательная → красивая* (о гипотезах эстетической привлекательности человеческого тела в биологии см. [8]). Будучи вовлечены в культурно-исторический процесс, биологически обусловленные представления о сексуальной привлекательности трансформируются в культурные представления о красоте в отвлечении от ее глубинно-биологической основы; ср.: строки из «Евгения Онегина», где лирический повествователь предстает перед читателем как платонический ценитель женской красоты: *Татьяна пред окном стояла, На стекла хладные дыша, Задумавшись, моя душа, Преле-*

стным пальчиком писала На отуманенном стекле Заветный вензель О да Е.

Кроме собственно оценочных (1), в качестве определений могут выступать размерно-оценочные (2) прилагательные (изящная головка, стройная фигурка цвета шоколада, стройные ножки, нежные ручки), а также – сенсорно-оценочные (3), имплицитные оценки, – они называют сенсорно воспринимаемые признаки, которые получают положительную эстетическую оценку в соответствии со сложившимися в социуме представлениями о женской (девичьей) красоте (алые губки, румяные щечки, хрупкие плечики и т. п.). Ср.: *Мы едем на извозчике... я, юнкер военного Александровского училища, находящийся в суточном отпуске, и Марья Михайловна Полубояринова, барышня из Пензы, заезжая гостя в Москве... Конечно, я влюблен в нее еще с рождества, влюблен безнадежно и до безумия... Я только изредка осмеливаюсь взгляды-вать боком на ее муфточку, осыпанную снегом, на ее голубой вязаный капор, откуда изредка блеснет оживленный темный глаз, покажется разрумяненная щечка или высунется розовый кончик носика... (А. Куприн. Юнкера).*

Сема женскости, возникающая у слов-соматизмов в диминутивной форме, проявляет себя и в контекстах переносного – метафорического – употребления слова, когда оно прилагается к иному классу объектов; ср., например, художественный образ молоденькой девушки, который создается писателем при описании природного мира с помощью диминутива-соматизма (поддержанного грамматическим родом и лексически): *Эх, и хорош же вчера попался на глаза мухомор... Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобранная, губки округлила, облизывается, мокренькая и умменькая (М. Пришвин. Глаза земли. Корабельная чаша).*

По этой же причине представляется не вполне обычным (но вполне объяснимым) употребление диминутива-соматизма при обозначении лица мужского пола в таком, например, контексте современной прозы: *Надежда... приехала через полчаса, прелестная, как всегда, и в шубе из соболей, наглядно подтверждавшей слова Коминта. – Привет, папуля, – чмокнула Коминта в щечку. – Что, Николай_Степанович, дело свое решили открыть? (Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ). Появление в авторском повествовании диминутивной формы чмокнула в щечку по отношению к мужскому персонажу вызвано, видимо, инерцией*

употребления данной единицы, идущей от актуальной речи, где форма щечка обычно прилагается к молодым девушкам или детям (ср.: *Дай в щечку поцелую!/ Дай щечку!*). В авторском же повествовании диминутивная форма щечка транзитно перенесена с объекта, находящегося в фокусе авторского внимания (он же субъект действия – прелестная Надежда), на объект изображаемого действия (Коминт).

Вторая тематическая группа слов – наименований предметов одежды и ее аксессуаров – обнаруживает много общего с соматизмами. Указание на малый размер предмета одежды ассоциируется в сознании носителей языка с женским полом: халатик, трусики, шляпка, шарфик, сапожки, часики, колечко – это предметы женского гардероба, но не мужского (ср. *мужская шляпка, *мужские часики или *Он накинул халатик и пошел открывать дверь).

Тем не менее, полной симметрии с соматизмами у наименований одежды нет. Несмотря на то, что человеческая одежда становится все более универсальной, пригодной для обоих полов – unisex (джинсы, брюки, пиджаки, футболки, куртки, кроссовки и т. д.), мужской и женский гардероб все-таки различается: мужчины не носят платьев, юбок, колготок; женщины – фраков, галстуков и кальсон. Сема «пол», таким образом, часто содержится в лексическом значении исходного имени (ср. пары рубашка – блузка, кальсоны – колготки, запонки – бусы), диминутивные же формы от этих имен указывают не на пол лица, а на размер тела и возраст. Формы типа юбочка из плюша, скромное платьице, стук каблучков являются обозначениями атрибутов одежды девушки, но не солидной женщины.

Аналогичным образом ведут себя диминутивные формы от наименований предметов мужской одежды, которые также указывают на юный (подростковый) возраст референта: *в красной рубашончке, в свежей рубашечке, в начищенных ботиночках, в наглаженных брючках, в новом костюмчике. Использование подобных диминутивов по отношению к взрослому мужчине может иметь место только в целях создания иронии; ср., например, описание комического персонажа в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физио-**

номия, прошу заметить, глумливая; и далее ... в начинающихся сумерках Берлиоз отчетливо разглядел, что **усишки** у него, как куриные перья, **глазки** маленькие, иронические и полупьяные, а **брючки** клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки.

Говоря о способности диминутивных форм предметных имен передавать информацию о поле лица, следует иметь в виду, что сема женскости появляется у диминутивных форм в первую очередь в повествовательном (нарративном) режиме речи. В актуальной же (диалогической) речи (о данном противопоставлении см. [7]), направленной на выражение эмоционального отношения говорящего к собеседнику, а не к объекту номинации, семы «пол» в лексическом значении диминутивных форм не развивается. Появление в речи диминутивов в этом случае определяется женским гендером говорящего, так что диминутивные формы предметных имен вполне могут быть использованы по отношению к адресату-взрослому мужчине; ср. женскую реплику в переполненном маршрутном такси: *Мужчина, у вас перчаточки упали.*

Библиографический список

1. Земская, Е. А., Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. Особенности мужской и женской речи [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании (Коммуникативно-прагматический аспект). – М., 1993. – С. 90–136.
2. Кронгауз, М. А. Sexus, или проблемы пола в русском языке [Текст] / М. А. Кронгауз // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996. – С. 510–525.
3. Лебедева, Л. Б. Семантические типы существительных и структура именных сочетаний [Текст] / Л. Б. Лебедева // ИАН СЛЯ. Том 40. – 1981. – № 1. – С. 57–65.
4. Менькова, Н. В. Гендерный аспект функционирования диминутивов» [Текст] / Н. В. Менькова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 2. – С. 26–31.
5. Мучник, И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке [Текст] / И. П. Мучник. – М., 1971. – С. 177–244.
6. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – С. 79–107.
7. Падучева, Е. В. К семантике дейктических элементов в повествовательном тексте [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. – М., 1990. – С. 168–185.
8. Рухленко, И. А. «Проблема красоты» в биологии. Часть II: краткий обзор и анализ существующих гипотез эстетической привлекательности человеческого тела [Текст] / И. А. Рухленко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Серия «Экология», 2009. – Тольятти, 2009. – С. 52–79.

Bibliograficheskij spisok

1. Zemskaya, E. A., Kitajgorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. Osobnosti muzhskoj i zhenskoj rechi [Tekst] / E. A. Zemskaya, M. V. Kitajgorodskaya, N. N. Rozanova // Russkij yazyk v ego funkcionirovanii (Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt). – M., 1993. – S. 90–136.
2. Krongauz, M. A. Sexus, ili problemy pola v russkom yazyke [Tekst] / M. A. Krongauz // Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika. – M., 1996. – S. 510–525.
3. Lebedeva, L. B. Semanticheskie tipy sushhestvitel'nykh i struktura imennykh sochetanij [Tekst] / L. B. Lebedeva // IAN SLYA. Tom 40. – 1981. – № 1. – S. 57–65.
4. Men'kova, N. V. Gendernyj aspekt funkcionirovaniya diminutivov» [Tekst] / N. V. Men'kova // Vestnik TSentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. – 2012. – № 2. – S. 26–31.
5. Muchnik, I. P. Grammaticheskie kategorii glago-la i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke [Tekst] / I. P. Muchnik. – M., 1971. – S. 177–244.
6. Paducheva, E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu [Tekst] / E. V. Paducheva. – M.: Nauka, 1985. – S. 79–107.
7. Paducheva, E. V. K semantike dejkticheskikh ehlementov v povestvovatel'nom tekste [Tekst] / E. V. Paducheva // Voprosy kibernetiki: YAzyk logiki i logika yazyka. – M., 1990. – S. 168–185.
8. rukhlenko, I. A. «Problema krasoty» v biologii. CHast' II: kratkij obzor i analiz sushhestvuyushhikh gipotez ehsteticheskoy privlekatel'nosti chelovechesko-go tela [Tekst] / I. A. rukhlenko // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatisheva. Seriya «EHkologiya», 2009. – Tol'yatti, 2009. – S. 52–79.